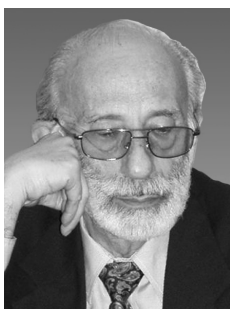

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ БЕЗ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОГО ЗНАКА

А.С. КАРМИН

Кармин Анатолий Соломонович — профессор Петербургского государственного университета путей сообщений, доктор философских наук.

Круг научных интересов: методология науки, теория познания, психология творчества, культурология. Автор 15 книг среди которых «Творческая интуиция в науке», «Познание бесконечного», и учебники «Философия», «Культурология», «Конфликтология», «Психология рекламы».

Контакты: akarmin@mail.ru

Резюме

Статья имеет дискуссионный характер. Подчеркивается необходимость разработки методологических основ психологии. Автор выступает против «постмодернистских» попыток отказа от принципов рациональности, объективности, истинности научного знания. Одной из важнейших методологических проблем является переход от теоретического плюрализма в психологии к построению фундаментальной психологической теории.

В первоначальном варианте статья Виктора Аллахвердова называлась «Рассуждение о науке психологии с восклицательным знаком». К чему сей восклицательный знак был отнесен? К науке психологии или к рассуждениям о ней? Зная скромность автора, я полагаю, что восклицательным знаком удостоена психология. Он, видимо, призван означать, что к ней мы (здесь «мы» — не только я, но и автор со всеми читателями) неравнодушны и хотим восторгаться успехами этой замечательной науки. Но, увы, этому мешают неверные и скверные методологические установ-

ки современных психологов. Поэтому надо манифестировать правильные методологические принципы и договориться следовать им в психологических исследованиях. Для начала хотя бы в эмпирических. И тогда придет время, когда мы (все мы) сможем воскликнуть: «Ах, как прекрасна наша наука психология!»

Такова, как мне кажется, ведущая идея статьи Виктора Аллахвердова, изложенная, правда, в несколько утрированном виде. Поиронизировать над ней нетрудно. Но делать из нее лишь предмет шуток было бы непростительным легкомыслием. Позиция

Аллахвердова заслуживает самого серьезного внимания, и речь он ведет о совсем не шуточных вещах.

Нельзя не заметить, что в наш просвещенный век наука, без которой его не было бы, утратила прежний престиж и стала вызывать к себе пренебрежительное и даже враждебное отношение главным образом со стороны высоколобых интеллектуалов. Не будем здесь обсуждать вопрос, почему среди людей, охотно пользующихся достижениями науки и вряд ли способных от них отказаться, распространились антинаучные настроения, — этому посвящены специальные работы. Но стоит обратить внимание на то, что центральной мишенью критических выпадов против науки является именно ее методология. Основные направления анти-сциентистской критики — это наступление на саму способность науки давать объективноистинное знание; обвинение научной методологии в антигуманизме, равнодушии к человеческим ценностям, утилитарно-техническом отношении к природе; совершенно не оправданное стремление сблизить с наукой и даже включить в нее чуждые самому ее существованию формы культуры, в том числе мифологию, религию, мистику. Подобные претензии к науке объявляются некоторыми представителями интеллектуальной элиты «требованиями эпохи», вытекающими из концепций постмодернизма, деконструктивизма и т. п. «-измов», которые провозглашаются высшими духовными достижениями современной культуры. Заодно с научной методологией подвергают остракизму рационализм и философский материализм, а свободу мысли толкуют

как дорогу к разгулу иррационализма, оккультизма. Согласно представлениям не слишком знакомых с традициями разработки методологических проблем науки ученых, место чуть ли не главного «властителя дум» почему-то заняла фигура «методологического анархиста» Фейерабенда, уверяющего, что «невежество, слепое упрямство, предрассудки, лживость не только препятствуют развитию познания, но являются его существенными предпосылками» (Фейерабэнд, 1986, с. 418). Сам Фейерабэнд — этакий Жириновский от эпистемологии, высказывания которого можно воспринимать скорее как эпатаж, чем как достойный позитивной оценки вклад в методологию науки, — относится к собственным сочинениям достаточно безответственно и не принимает их всерьез, не в пример некоторым психологам, ссылающимся на него для оправдания «либерализма» в отношении к существующей в их науке россыпи разнообразных и разностильных теорий. В настоящее время в западной литературе можно заметить признаки начинающегося разочарования в постмодернистских «дискурсах» о науке. Смерть в октябре прошлого года одного из талантливейших проповедников деконструктивизма Ж. Дерриды стала трактоваться символически как знамение конца этого философского течения. Но влияние его еще сильно, а в умах представителей российской философической элиты, идущих по стопам западных гуру с некоторым отставанием по фазе, оно, пожалуй, даже продолжает расти и питать антисциентистские, иррационалистические, мистические духовные искания.

В психологии вал популярных сочинений, выдающих за науку разнообразные магические средства решения всех психологических проблем, обрушивается на книжные прилавки, вытесняя научную литературу. Особенно агрессивной становится волна антисциентистских настроений, которая поднялась в нашей стране в условиях идеологической неразберихи и тяги к клерикализму, возникших после ниспровержения марксистского мировоззрения.

На этом фоне призыв Аллаhverдова к восстановлению в правах рационализма и рационалистической методологии научно-психологического познания актуален и заслуживает внимания. Пренебрежение к разумным методологическим принципам ведет к снижению эффективности научных исследований. Ведь методологические установки — это не произвольные «правила игры». Можно, конечно, любую человеческую деятельность — экономическую, политическую, технологическую, художественную и т. д. — в некотором отношении уподобить игре. Но слово «игра» тогда употребляется лишь в некоем фигуральном смысле. Наука вообще не есть игра (хотя в ней и используются игровые методы). Хотя бы потому, что игра ведется по конвенциональным правилам, которые можно по договору изменять, тогда как с наукой (я имею в виду содержание научного знания) этот номер не пройдет. Методология науки есть неотъемлемая часть науки, методологическое знание — знание о методах научного познания — это особый вид научного знания, который добывается наряду с знанием об изучаемой реальности. Ученые «играют» не

между собою, а с природой (познаваемой реальностью) и должны делать познавательные «ходы» по «правилам», которые устанавливаются и изменяются так, чтобы эти «ходы» вели к «выигрышу» — объективному (объективно истинному) знанию. Если ученый действует методологически неправильно, он просто ничего «не выигрывает», т. е. его научная деятельность оказывается неэффективной, бесплодной. А если «выигрывает», то значит, что он действует методологически правильно.

К сожалению, однако, логика рассуждений Аллаhverдова о научной методологии не вполне ясна. В начале своей статьи он утверждает, что «ученый является лишь искателем истины, а не ее носителем» и что «научное знание — это не просто знание всегда развивающееся, но и никогда не завершенное *ни в какой своей части*, а потому в каждый момент *везде* заведомо неверное». Этот взгляд на науку кажется автору настолько очевидным, что он даже называет его «банальным». Объективность научного знания он считает иллюзией и разоблачение этой иллюзии объявляет целью статьи.

Но с такой точки зрения наука действительно представляется не более чем игрой ума, чем-то вроде игры в бисер в романе Гессе. Если ученые ищут истину, но никогда ее не находят, значит, их поиск абсолютно неэффективен. Подобного рода поиск можно вести, пользуясь какой угодно методологией, и даже без всякой методологии. Наука такого рода не отличается от религии, мифа, мистических откровений, общения с духами и вообще от любых порывов воображения, которые кому-либо

взбредет в голову считать исканиями истины (что, собственно, и заявляет упомянутый выше Фейерабенд). Нет, наука только тогда наука, когда она позволяет не только искать, но и устанавливать истину. Конечно, ученые не всеведущи. Однако все же они не просто искатели истины — они ее достигают, и смысл их научной работы в этом достижении и состоит. Из того, что научное знание есть знание незавершенное, не следует, что оно поэтому «заведомо неверно». Еще Платон, говоря о философии (которую в его время не отличали от науки), подчеркивал, что она есть стремление к истине. Это стремление предполагает существование чего-то непознанного. Смертные не могут быть всеведущими. Всеведение доступно лишь богам, а владея им, они уже не имеют нужды заниматься философией и стремиться к истине. Философ же, писал Платон, в отличие от всеведущих богов и от ничего не знающих невежд, всегда находится между знанием и незнанием, он восходит от менее совершенного знания к более совершенному. Таким образом, более двух тысячелетий назад научный поиск истины толковался как рост истинного знания, а не как безнадежное движение от одних заблуждений к другим. И методология нужна науке именно потому, что способствует этому росту.

Наука есть форма человеческого познания, которая в отличие от всех других форм человеческой деятельности имеет своей специальной и главной целью получение достоверного, обоснованного, объективно истинного знания. Правда, с начала Нового времени общество все более настойчиво требует от науки пользы,

и она из сферы духовной культуры, к которой принадлежала, когда развивалась в лоне философии, перемещается в сферу технологической культуры. Это дает повод для появления тенденции выбросить понятие истины из языка эпистемологии. Так, известный отечественный философ Б.И. Пружинин с уверенностью, исключая всякие сомнения, сообщает читателям: «Нынешняя философия науки в понятии истины не нуждается. Его заменяет комплекс понятий, связанных с эффективностью прикладного, практико-гносеологического использования знания» (Пружинин, 2004, с. 67). Научное знание, по его мнению, «лишь полезно», а потому и «оцениваться оно должно по параметрам полезности» (Пружинин, 2004, с. 69).

Однако наука способна принести пользу именно потому, что в добываемом ею знании содержится истина. Если в нем нет истины, в нем нет и пользы. И, невзирая на хитроумные попытки некоторых философов запутать и обесмыслить проблему истины, любой добросовестный ученый в практике своей исследовательской работы стремится получить объективно истинное знание и/или по возможности извлечь из него полезные в практическом отношении выводы. Отрицание объективности научного знания убивает науку.

Не берусь гадать, как Пружинин может обосновать полезность своей точки зрения. Но истинность ее, во всяком случае, остается под большим вопросом (что, впрочем, Пружинина не должно как-то беспокоить: удобство его позиции состоит в том, что она избавляет автора от заботы об

истинности его высказываний; вот тут-то, конечно, видна ее польза). Пружинин справедливо отмечает, что в прикладной науке результаты не всегда можно оценить с точки зрения их истинности. Когда он утверждает, что даваемые ею «рецепты» не могут быть ни истинны, ни ложны, они лишь эффективны или неэффективны, он совершенно прав. Однако в прикладных науках, не говоря уже о фундаментальных, кроме прескриптивных высказываний, имеются и дескриптивные, а последние подлежат истинностной оценке. Прескрипции, не имеющие своими предпосылками дескриптивное знание, обычно относятся к практике повседневной жизни и носят вненаучный характер. Правила магических ритуалов — тоже прескрипции такого рода. В науке же «рецепты» опираются на дескриптивные теоретические конструкции, и если последние не содержат объективной истины, то грош цена вытекающим из них «рецептам».

Это особенно важно подчеркнуть, когда речь идет о ситуации в современной психологической науке. Показательным симптомом неблагополучия в ней является массовое производство популярной психологической литературы, в которой даются советы по всевозможным житейским вопросам: «Как стать счастливой?», «Как влиять на людей?», «Как найти мужа?» и т. п. Эти советы даются от имени психологической науки. Однако за редким исключением в подобных изданиях преподносятся рецепты, которые могут быть более или менее эффективными, но в лучшем случае они основаны на житейской мудрости (а то и просто на ходячих стереотипах или паранаучных веро-

ваниях), а не на научно установленных истинах. Разумеется, по отношению к подобным работам истинностные оценки действительно неприменимы. Но именно потому, что с наукой они имеют мало общего. Еще один подозрительный симптом — угасание интереса психологов к фундаментальным теоретическим проблемам психологии. Выполнение оплачиваемых заказчиками «договорных» прикладных НИР ныне составляет львиную долю проводимых психологами исследований. Результаты таких НИР, как правило, выливаются в некоторые утилитарные рекомендации («рецепты»), должныствующие принести пользу заказчику. Однако в подавляющем большинстве случаев дело сводится к почти механическому применению каких-то теоретических идей для решения некоторой типовой практической задачи. Без создания новых фундаментальных теоретических концепций, содержащих в себе относительно истинное знание, освоение новых типов задач невозможно. Пренебрежение этой задачей неминуемо ведет к тому, что назревает «кризис жанра», чреватый утратой перспектив практического применения психологии.

Таким образом, попытки обойтись без понятия истины служат оправданию потока публикаций и исследований, которые поглощают силы психологов, уводя их от трудных проблем развития психологических теорий к более легким и прибыльным прикладным задачам. Идя по этому пути, психология рискует зайти в тупик и застыть на достигнутых рубежах.

Аллахвердов хотя и говорит о науке как об игре, но все же полагает,

что в ней идет поиск истины, а не игра в поиск истины. А раз этот поиск не есть просто игра, то он должен быть результативен. Игра может не давать никаких реальных (объективно значимых за ее рамками) результатов, но наука, не имеющая своим результатом объективного знания, существовать в качестве науки не может. И Аллахвердов, начав с приведенных в начале статьи утверждений, далее вопреки им переходит к принципиально иной позиции. Правда, для этого ему пришлось несколько погрешить против логики. В нарушение закона тождества он по ходу рассуждения изменяет смысл понятия «неверная теория», поясняя, что неверность означает лишь то, что содержащееся в ней знание со временем будет пониматься иначе. В результате, начав рассуждение с весьма сомнительных исходных посылок, он приходит к безусловно правильному выводу: «Все научные теории верны в том смысле, что включенные в них законы неплохо прогнозируют реальность и практически никогда не будут опровергнуты». На философском языке эта позиция выражается с помощью понятия относительной истины. Если бы с самого начала воспользоваться этим понятием, то к указанному выводу прийти было бы гораздо проще: вместо того чтобы признавать все научные теории неверными, следовало бы сразу сказать об их относительной истинности.

Излишняя витиеватость логического пути, который ведет автора к признанию объективной истинности научного знания, связана, возможно, с тем, что он стремится провести четкую разделительную линию между объективным и субъективным в науч-

ном знании. Но под «субъективностью» знания могут пониматься разные вещи. Аллахвердов почему-то в первых строках без всяких оговорок толкует субъективное как «нечто такое, чего *на самом деле нет*». Но где нет? В уме субъекта оно есть. В деятельности субъекта тоже есть. Да и в объективной действительности оно в некотором смысле имеет место, поскольку от субъекта зависит вычленение из нее фрагмента, который он делает предметом своего познания. Субъективность знания — понятие многозначное. В зависимости от контекста оно может означать:

- то, что знание создается субъектом;
- то, что знание существует и хранится в сознании (или подсознании — в данном аспекте это неважно) субъекта;
- то, как субъект выбирает предмет познания, а также средства, методы, задачи его изучения;
- то, что субъект дает оценку (в том числе и истинностную) получаемых им знаний, причем не всегда верную;
- то, что от субъекта зависит содержание истинного знания или, иначе, что он по собственной воле определяет его содержание.

Субъективность знания несовместима с его объективностью (объективной истинностью) только тогда, когда понимается в последнем из указанных смыслов. Еще древние греки в этой связи различали и противопоставляли объективное знание (*epistēmē*) и субъективное мнение (*doxa*). Когда Аллахвердов в начале своей статьи говорит, что субъективное — это то, чего нет, он имеет в виду, видимо, *doxa*, в котором предмету

познания ошибочно приписывается то, что в нем отсутствует. Но, когда он предлагает в явном виде формулировать в научной работе «субъективную составляющую», речь идет о другом: о замыслах, целях и пр., т. е. о такого рода «субъективизме», который вполне совместим с объективной истинностью результатов исследования. Вряд ли можно протестовать против того, чтобы авторы научных публикаций в соответствии с этим предложением разъясняли замыслы и цели своих исследований.

Некоторые возражения по тексту Аллахвердова вызываются, как мне кажется, тем, что автор их намеренно провоцирует. Он как бы нарочно обостряет формулировки, «вызывая огонь на себя», чтобы привлечь внимание к методологическим проблемам психологии. Это и порождает отдельные чересчур прямолинейные суждения, содержащиеся в статье. Например, автор критикует психологов, пытающихся «соединять несоединимое» — существующие в современной психологии различные научные направления. Но эти направления не настолько логически строго оформлены в теоретические системы, чтобы можно было их жестко разделять. Они не являются «несоединимыми», по крайней мере в том смысле, что допустимо выделять из них отдельные положения и сочетать их друг с другом. Скажем, теория механизмов психологической защиты, взятая из психоаналитической психологии, вполне совместима с идеями гуманистической психологии, представления гештальтистов легко согласуются с концепциями когнитивизма. Это, конечно, вовсе не означает, что не нужно искать единую, общую теорию, в кото-

рой современная психологию остро нуждается.

Поднимая голос в защиту научной методологии от попыток принизить ее значение и заменить ее иррационально-мистическими откровениями, Аллахвердов делает нужное дело. Это, в сущности, защита науки от анти- и паранауки, которые претендуют на почетное место в современной культуре. В сложившейся вокруг науки, в том числе психологии, атмосфере усилить внимание психологов к методологической корректности и обоснованности своих работ — задача первостепенной важности.

Однако идея оформить методологические основы психологической науки в виде «манифеста» кажется не слишком удачной. Представим себе, что манифест опубликован и кто-то из психологов подписался под ним (или как-то иначе выразил свою поддержку), а кто-то — нет. Какие это имеет последствия для тех и других? Скорее всего, никаких. Принявшие манифест могут по недосмотру или неумению совершать методологические ошибки, а те, кто по каким-то причинам не поддержал его, наоборот, делать безупречные в методологическом отношении исследования. Методология психологии — это научная дисциплина, это часть психологической науки. А наука продвигается вперед не через манифесты. Разработка методологических проблем психологии связана не с провозглашением принципов, а со специальными исследованиями истории и практики развития психологических знаний. Психолог, стремящийся получить ценные научные результаты, должен методологически корректно строить свои исследования. Если он

этого не делает, он рискует впасть в ошибки. У него просто будут плохие работы. А когда дело касается фундаментальных проблем психологической науки, без размышлений над методологическими основаниями их постановки и решения не обойтись. Разумеется, когда методологическая безграмотность широко распространяется среди психологов, это задерживает развитие науки. Но не следует преувеличивать эту угрозу. Она относится к темпам роста и характеру применения психологических знаний, а не к их содержанию. В научном юморе известна «теорема Ландау»: плохие работы науку не портят. Доказательство таково: если бы плохие работы портили науку, от нее давно ничего бы не осталось.

Но если методологический манифест вряд ли может принести сколько-нибудь ощутимую пользу, то введение в обязательный раздел обучения студентов, аспирантов, начинающих научных работников освоения методологических и методических принципов построения и оформления научных работ было бы чрезвычайно полезным делом. Об этом следовало бы задуматься тем, кто ведает психологическим образованием и озабочен его

совершенствованием. Методологический манифест тут, пожалуй, был бы уместен в качестве некоей «пиаровской» акции, привлекающей внимание специалистов к методологическим проблемам психологии. Однако в этом качестве он должен быть не изложением «в готовом виде» определенных методологических концепций, идей и принципов, а лишь призывом к их разработке и применению. Для обучения же, а также развития методологических знаний и их распространения среди ученых нужны не манифесты, а учебные пособия, в систематизированной и достаточно развернутой форме освещающие содержание методологических основ психологии, и исследовательские работы в этой области.

Следует отметить, что в статье Аллахвердова наряду с методологическими проблемами рассматриваются также методические рекомендации по составлению научных текстов. Такие рекомендации целесообразны, следование им облегчило бы читателям осмысление и оценку содержания этих текстов. Редакции научных журналов и других изданий вполне могли бы включить их в требования, предъявляемые к публикуемым материалам.

Литература

Пружинин Б.И. Я еще надеюсь // Эпистемология & философия науки. 2004. Т. II, № 2.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.